

УДК 82-95

А.Ф. ВЕЛЬТМАН В ОЦЕНКЕ В.Г. БЕЛИНСКОГО

Юхнова И.С.

ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (национальный исследовательский университет)», Нижний Новгород, e-mail: yuhnova1@mail.ru

Статья посвящена анализу восприятия В.Г. Белинским творчества А.Ф. Вельтмана, писателя, художественная манера которого отличалась оригинальностью и самобытностью. Вельтман активно экспериментировал с жанровыми формами, использовал фольклорные приемы, тяготел к гротеску. Его творчество не вписывалось в существующие традиции, потому вызывало противоречивые оценки современников. В статье показано, что оригинальность Вельтмана сразу же была отмечена Белинским, он высоко оценил талант писателя. Однако постепенно его восприятие творчества Вельтмана кардинально изменилось. В работе прослежено, как меняются оценки Белинского, выявлено, что он отвергает фантасмагорическое, гротесковое, но положительно оценивает стилистические эксперименты писателя (совмещение прозаических и стихотворных фрагментов, попытки ритмизировать прозу, сказовость). В них он усматривал следование эстетике реализма. Автором выявлено, что восприятие Белинским творчества Вельтмана совпадает с его восприятием ранних произведений Достоевского, появившихся после романа «Бедные люди».

Ключевые слова: А.Ф. Вельтман, В.Г. Белинский, литературная критика, литературная полемика, Ф.М. Достоевский

A.F. VELTMAN IN ASSESSING V.G. BELINSKY

Yukhnova I.S.

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhny Novgorod, e-mail: yuhnova1@mail.ru

This article analyzes the perception of V.G. Belinsky creativity A.F. Veltman, a writer, an art style that distinguish the originality and identity. Veltman actively experimented with genre forms, used folk methods, drawn to the grotesque. His work did not fit into the existing tradition, because evoked contradictory assessments of contemporaries. The article shows that the originality Veltman was immediately noted Belinsky, he praised the talent of the writer. Gradually, however, his perception of creativity Veltman has changed dramatically. The paper traced how the estimates change Belinsky revealed that he rejects the phantasmagoric, grotesque, but appreciated the stylistic experiments of the writer (combination of prose and verse fragments attempts of rhythmic prose, fantastic). In them he saw following the aesthetics of realism. The author found that the perception of creativity Belinsky Veltman coincides with his perception of Dostoevsky's early works that emerged after the novel «Poor people».

Keywords: A.F. Veltman, V.G. Belinsky, literary criticism, literary controversy, F.M. Dostoevsky

В последнее время значительно активизировался интерес к творчеству А.Ф. Вельтмана. Исследуются специфика его художественного мышления [5, 6, 8, 10], сюжетно-композиционные особенности произведений писателя [3, 11], связь с фольклорной [7] и смеховой традициями [1], формы гротеска. По-прежнему дискуссионным остается вопрос о жанровой природе его произведений, изучаются повествовательные стратегии [2, 9, 12]. Пристальное внимание к творческим находкам А.Ф. Вельтмана не случайно, ведь новации писателя опережали время и оказались востребованным литературой XX–XXI веков. Именно поэтому истинное значение творчества Вельтмана отчетливее проявляется на фоне последующей традиции. Но и современникам было очевидно, что этот неординарный, яркий писатель – не проходящее, случайное явление в литературе, что его путь уникален, самобытен. Пожалуй, наиболее ярко это восприятие выразил В.Г. Белинский. Уже в первой значительной работе – в «элегии в прозе» «Литературные мечтания» – он говорит в том числе и

о Вельтмане, а затем в своих обзорах и рецензиях не обходит вниманием новых публикаций или переизданий уже известных произведений писателя. Лейтмотивом в его работах разных лет звучит мысль о несомненной одаренности Вельтмана. Но если в ранних откликах талантливость писателя вызывает восхищение («новый замечательный талант»; «у г. Вельтмана так много таланта, так много остроумия и чувства, так много оригинальности и самобытности!» [4, т. 1, с. 81]), то позднее это свойство станет скорее негативной, чем положительной характеристикой. Почему? Уже в первой работе критик укажет на одну настораживающую его черту в художественной манере Вельтмана: он «чересчур много и долго играет своим талантом» [4, т. 1, с. 81]. Игра, изощренность, причудливость сюжета, игнорирование насущных злободневных проблем, тяготение к условным, а не жизненноподобным формам изображения, с точки зрения Белинского, не позволяют в полной мере развиваться природному дару. Вельтман растрчивает его на фантасмагории, на

пусть изящные, но оторванные от жизни вымыслы.

Также неоднозначно воспринимает Белинский и «остроумие, которое составляет преобладающий элемент таланта г. Вельтмана» [4, т. 1, с. 81]. В нем он усматривает наличие «излишних претензий», а в качестве иллюстрации упоминает роман «Странник». В «Литературных мечтаниях» Белинский никак не конкретизирует свою мысль, однако это положение косвенно он прояснит позже, когда в статье «Русская литература в 1843 году» напомним читателю о первом романе Вельтмана, к тому времени, по его словам, уже «забытом», и эта временная дистанция позволит ему наметить основную тенденцию развития творческой манеры писателя. Вот этот достаточно обширный фрагмент: «Он дебютировал забытым теперь «Странником» – калейдоскопическою и отрывочною смесью в стихах и прозе, не лишенною, однако ж, оригинальности и казавшеюся тогда занимательною и острою. Потом он издал какую-то поэму в стихах. Первым и, по обыкновению большей части русских писателей, лучшим его романом был «Кашей Бессмертный» – странная, но поэтическая фантазмагория. Надо сказать правду, у г. Вельтмана несравненно больше фантазии, чем у романистов, о которых мы говорили выше, и потому он гораздо больше поэт, чем они. Но его фантазии достает только на поэтические места; с целым же произведением он никогда не в состоянии управиться. Оригинальность фантазии г. Вельтмана часто сбивается на странность и вычурность в вымыслах. Прочитав его роман, помнишь прекрасные, исполненные поэзии места, но целое тотчас изглаживается из памяти. К романтическим и поэтическим вымыслам г. Вельтман примешивает какой-то археологический мистицизм и выносит свою страсть к этимологическим объяснениям исторических и даже доисторических вопросов. Все это безобразит его романы. Туманность и неопределенность в вымыслах и характерах также принадлежат к недостаткам романов г-на Вельтмана. Каждый новый роман был повторение недостатков первого, с ослаблением красот его. Все это сделало то, что г. Вельтман пользуется гораздо меньшею известностью и меньшим авторитетом, нежели каких бы заслуживало его замечательное дарование» [4, т. 2; с. 583].

Как видим, Белинский не принимает того, что является доминантой поэтики Вельтмана: странности, «вычурности вымысла», прерывистости повествования, гротесковости, нескладности, несобранности композиции. Стоит отметить, что отсут-

ствие четко выстроенной композиции – постоянный упрек Белинского Вельтману. Для него это результат все той же «странной прихотливости фантазии» [4, т. 3, с. 22], в определенном смысле, недостаток мастерства, неумение «справиться с материалом», ведущее к размыванию смысла. Так, по поводу «Емели, или Превращения» он замечает: «Тут ничего не поймете: это не роман, а довольно нескладный сон» [4, т. 3, с. 21–22]. Для Белинского это фантазирование ради фантазирования, он не видит художественной мотивированности подобных приемов, а потому в его рассуждениях ни разу даже не промелькнет мысль о том, что «неровность», размытость композиции – сознательный авторский прием.

По сути, когда Белинский говорит о умножении недостатков первых опытов в последующих произведениях, он отвергает сам тип творческого мышления Вельтмана, не принимает его художественную манеру. И здесь намечается интересная параллель: в своих оценках произведений Достоевского, появившихся после «Бедных людей», Белинский повторяет многие из упреков, адресованных Вельтману. Так, по поводу повести «Двойник», которая первоначально была принята критиком достаточно благожелательно, он напишет: в нем «есть еще и другой существенный недостаток: это его фантастический колорит. Фантастическое в наше время может иметь место только в домах умалишенных, а не в литературе, и находится в заведывании врачей, в не поэтов» [4, т. 3, с. 674]. А о повести «Господин Прохарчин» выскажется гораздо категоричнее: «Сколько нам кажется, не вдохновение, не свободное и наивное творчество породило эту странную повесть, а что-то вроде... как бы это сказать? – не то умничанья, не то претензии...» [4, т. 3, с. 675]. В случае с Достоевским все упреки получают мировоззренческое обоснование. Белинский считает, что «в искусстве не должно быть ничего темного и непонятного; его произведения тем и выше так называемых «истинных происшествий», что поэт освещает пламенником своей фантазии все сердечные изгибы своих героев, все тайные причины их действий, снимает с рассказываемого им события все случайное, представляя нашим глазам одно необходимое как неизбежный результат достаточной причины» [4, т. 3, с. 675]. В свете этих рассуждений, творчество Вельтмана действительно грешит интересом к случайному, интуитивному, мимолетному. Ведь в «Страннике» основной принцип развития повествования – ассоциативность мысли – как раз и предполагает фиксацию того,

что случайно, мимолетно, произвольно промелькнуло в сознании героя. Причинно-следственные связи, многие «темные» моменты в романе можно восстановить, только опираясь на культурный, исторический, биографический контекст [12, с. 311–320]. Фантастическое в разных формах присутствует буквально во всех произведениях писателя.

По мнению Белинского, лучшее произведение Вельтмана – «Кошей Бессмертный». Лучшее, потому что писателю удалось погрузиться в эпоху, передать дух Древней Руси. Лучшее, потому что в нем он усматривает историческую достоверность: «из него [«Кошея Бессмертного»] видно, что он глубоко изучил старинную Русь в летописях и сказках и как поэт понял ее своим чувством. Это ряд очаровательных картин, на которые нельзя довольно налюбоваться» [4, т. 2, с. 621]. Подобную высокую оценку получает и другое историческое повествование – «Райна, королева Болгарская», и опять по той же причине – исторической объективности: «Один из главных героев фантазмагории – русский князь Святослав, которого г. Вельтман рисует нам так обстоятельно, как будто бы сам жил в его время и все видел своими глазами» [4, т. 2, с. 621].

Привлекают Белинского и стилистические эксперименты Вельтмана: совмещение прозаических и стихотворных фрагментов, попытки ритмизировать прозу, сказовость. Так, говоря о повести «Райна, королева Болгарская», он подробно характеризует речь персонажей: «Действующие лица говорят в ней двумя манерами: то языком совершенно понятным для нас, но отличающимся колоритом древнеболгарским, то языком романов нашего времени» [4, т. 2, с. 621]. И это обстоятельство не вызывает у него внутреннего протеста, а напротив, Белинский считает, что подобное совмещение разных стилистических начал позволяет совместить объективность в изображении прошлого и обозначить авторское присутствие в произведении.

Особый интерес у Белинского вызывают научные исторические исследования Вельтмана (он их называет работами «серьезного содержания» – [4, т. 3, с. 26]). В одном из обзоров критик говорит о книге «Московская Оружейная палата. Описание древних вещей», текст которой был составлен Вельтманом. Собственно, этот пример и показывает, что Вельтман четко разграничивает научный и художественный стиль и в совершенстве владеет и тем и другим, а сама «Опись...», которую так высоко оценил Белинский, не утратила своей значимо-

сти до сего дня, стала образцом для создания документов подобного рода.

Последний развернутый разбор произведений Вельтмана Белинский делает в работе «Взгляд на русскую литературу 1846 года» и посвящен он «Приключениям, почерпнутым из моря житейского». Уже первая фраза разбора оценочна: «С шестой книжки «Библиотеки для чтения» **тянется** (выделено мной – И.Ю.) роман г. Вельтмана...» [4, т. 3, с. 677]. Этот красноречивый глагол «тянется» задает тональность. На его фоне любая похвала становится относительной и вторичной. Белинский так и строит свое дальнейшее рассуждение – говорит о достоинстве произведения и тут же указывает на его недостаток. Так, отмечая мастерство Вельтмана в создании образов, изображении картин современного быта, он в целом оценивает события, действие в произведении как искусственные, неестественные, а «верные картины современного быта», с его точки зрения, нивелируются тем, что «слишком запутанные узлы событий часто разрешаются посредством *deus ex machina*» [4, т. 3, с. 677].

Постепенно Белинский слово «талант» в отношении Вельтмана заменяет словом «даровитость», тем самым оценивает талант Вельтмана как нереализованный, неразвившийся. Вероятно, причина состоит в том, что Вельтман так и не стал писать на злободневные темы в то время, когда они заняли важнейшее место в литературе, а потому у него не было той читательской поддержки, того шумного успеха, который имели писатели реалистического направления. Верность творческим установкам привела к тому, что Вельтман оказался на периферии литературного процесса своего времени, но его новации опередили эпоху, наметили те пути, которыми будет развиваться русская проза с конца XIX века.

Список литературы

1. Балашова Е.А. «Смеховая культура» Древней Руси в произведениях Вельтмана // Актуальные проблемы современной филологии. Литературоведение. – Киров: ВГТУ, 2003. – С. 29–32.
2. Балашова Е.А. Структура повествования в «Страннике» А. Вельтмана // Художественный текст: варианты интерпретации. – Вып. 9. – Бийск: НИЦ БПГУ им. В.М. Шукшина, 2004. – С. 21–24.
3. Банах И.В. Игровая поэтика романа-путешествия А.Ф. Вельтмана «Странник» // Забытые и второстепенные писатели XVII–XIX веков как явление европейской культурной жизни. – Т. 1. – Псков: Изд-во Областного центра народного творчества, 2002. – С. 214–221.
4. Белинский В.Г. Собрание сочинений: в 3-х т. – Т. 1–3. – М.: ОГИЗ, 1948.
5. Грачева А.А. А.Ф. Вельтман и В.Ф. Одоевский как писатели-энциклопедисты // Вестник Нижегородского

университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 2–2. – С. 125–129.

6. Грачева А.А. Энциклопедизм в творчестве А.Ф. Вельмана // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5. – С. 557.

7. Коровашко А.В. Заговоры и заклинания в русской литературе XIX–XX веков. – М.: Изд-во Кулагиной INTRADA, 2009. – 383 с.

8. Кошелев В.А., Чернов А.В. Человек в художественном мире А.Ф. Вельмана и Ф.М. Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. – Т.6. – Л.: Наука, 1985. – С. 55–63.

9. Осьмухина О.Ю. Авторская маска в русской прозе 1760–1830-х гг.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Саранск, 2009. – 40 с.

10. Шалпегин О.Н. Своеобразие художественного мира романов А.Ф. Вельмана: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 24 с.

11. Юхнова И.С. «Чужая» рукопись в структуре художественного произведения (А.С. Пушкин, А. Погорельский, А.Ф. Вельман) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 2–2. – С. 353–356.

12. Юхнова И.С. Поэтика диалога и проблема общения в прозе А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова: дис. ... д-ра филол. наук. – Нижний Новгород, 2012. – 431 с.

References

1. Balashova E.A. «Smehovaja kultura» Drevnej Rusi v proizvedenijah Veltmana // Aktualnye problemy sovremennoj filologii. Literaturovedenie. Kirov: VGGU, 2003. pp. 29–32.

2. Balashova E.A. Struktura povestvovanija v «Strannike» A. Veltmana // Hudozhestvennyj tekst: varianty interpretacii. Vyp. 9. Bisk: NIC BPGU im. V.M. Shukshina, 2004. pp. 21–24.

3. Banah I.V. Igrovaja pojetika romana-puteshestvija A.F. Veltmana «Strannik» // Zabytye i vtorostepennye pisateli XVII–XIX vekov kak javlenie evropejskoj kulturnoj zhizni. T. 1. Pskov: Izd-vo Oblastnogo centra narodnogo tvorchestva, 2002. pp. 214–221.

4. Belinskij V.G. Sobranie sochinenij: v 3-h t. T. 1–3. M.: OGIZ, 1948.

5. Gracheva A.A. A.F. Veltman i V.F. Odoevskij kak pisateli-jenciklopedisty // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2014. no. 2–2. pp. 125–129.

6. Gracheva A.A. Jenciklopedizm v tvorchestve A.F. Veltmana // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2014. no. 5. pp. 557.

7. Korovashko A.V. Zagovory i zaklinanija v russkoj literature XIX–XX vekov. M.: Izd-vo Kulaginoj INTRADA, 2009. 383 p.

8. Koshelev V.A., Chernov A.V. Chelovek v hudozhestvennom mire A.F. Veltmana i F.M. Dostoevskogo // Dostoevskij: Materialy i issledovanija. T.6. L.: Nauka, 1985. pp. 55–63.

9. Osmuhina O.Ju. Avtorskaja maska v russkoj proze 1760–1830-h gg.: Avtoref. dis. dokt. filol. nauk. Saransk, 2009. 40 p.

10. Shalpegin O.N. Svoeobrazie hudozhestvennogo mira romanov A.F. Veltmana: Avtoref. dis. kand. filol. nauk. M., 1999. 24 p.

11. Yuhnova I.S. «Chuzhaja» rukopis v strukture hudozhestvennogo proizvedenija (A.S. Pushkin, A. Pogorelskij, A.F. Veltman) // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2014. no. 2–2. pp. 353–356.

12. Yuhnova I.S. Pojetika dialoga i problema obshhenija v proze A.S. Pushkina i M.Ju. Lermontova: dis... dokt. filol. nauk. Nizhnij Novgorod, 2012. 431 p.

Рецензенты:

Жаткин Д.Н., д.фил.н., профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения, ФГБОУ ВПО «Пензенский технологический университет», г. Пенза;

Дзюба Е.М., д.фил.н., профессор кафедры русской и зарубежной филологии, ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина», г. Нижний Новгород.